

Научная статья
УДК 81.22
DOI: 10.20323/2499_9679_2023_4_35_123
EDN: HSSWAA

Принципы номинации в обозначениях времени (на материале славянских языков)

Михаил Михайлович Кондратенко

Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт лингвистических исследований РАН. 199004, г. Санкт-Петербург, Тучков пер., д. 9
mmkondratenko@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8777-541X>

Аннотация. Обозначения времени составляют важную часть словарного состава языка. Значение этого лексического пласта определяется не только его количественными, но и качественными параметрами, в первую очередь – функцией репрезентанта особенностей традиционной духовной культуры. Одной из существенных характеристик обозначений времени является семантическая мотивация наименований, или принципы номинации. Те признаки, которые положены говорящим в основу обозначения понятия, с точки зрения экстралингвистической, раскрывают особенности мировосприятия носителей языка; в лингвистике их анализ имеет большое значение для семантической типологии. Как показывает материал исследования, принципы номинации связаны с особенностями языковой сегментации временного пространства. Общим для разных языков оказывается обозначение времени как родового понятия и его связи с физическим пространством; прошлого, настоящего и будущего; периодов и этапов трудовой деятельности человека, фенологических сезонов как ориентиров на временной оси; а также различных периодов астрономического года и частей суток. Родовое понятие «время» может быть представлено как вечность, столетие или срок жизни человека. Характерной особенностью обозначений прошлого является его мотивация первичностью, своеобразным положением впереди точки отсчета времени, совпадающей с моментом речи или иной актуализацией. Несоблюдение сроков, установленных для выполнения какого-либо вида деятельности человека, рассматривается в лексике народных говоров как нахождение вне времени, как его утрата. Еще одним универсальным принципом номинации времени является использование пространственных характеристик, относящихся изначально к физическим объектам. Особенно многообразны, с точки зрения особенностей семантической мотивации, номинации такого времени суток, как утро.

Ключевые слова: славянская диалектология; диалектная лексикография; обозначения времени; принципы номинации; семантическая типология

Для цитирования: Кондратенко М. М. Принципы номинации в обозначениях времени (на материале славянских языков) // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 4 (35). С. 123–129. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_4_35_123. <https://elibrary.ru/HSSWAA>

Original article

Nomination principles in designating time (using the material of slavic languages)

Mikhail M. Kondratenko

Candidate of philological sciences, senior researcher, Institute for linguistic studies, Russian academy of sciences. 199004, St. Petersburg, Tuchkov lane, 9
mmkondratenko@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8777-541X>

Abstract. Time designations form an important part of the language vocabulary. The meaning of this lexical layer is determined not only by its quantitative composition, but also by qualitative parameters, primarily by its function as a representative of traditional spiritual culture. One of the essential characteristics of time designations is the semantic motivation of the names, or the principles of nomination. Those signs, which are put by the speaker as a basis for designating a concept, from the extralinguistic point of view, reveal the peculiarities of native speakers' worldview; for linguistics, their analysis is of great importance for semantic typology. As the research shows, nomination principles are related to specific linguistic segmentation of the time space. Common to different languages is the designation of time as a generic concept and its connection with physical space; past, present and future; periods and stages of human labor activity, phenological seasons as reference points on the time axis; as well as different periods of the astronomical year

© Кондратенко М. М., 2023

and parts of the day. The generic concept of «time» can be represented as eternity, a century, or a human lifetime. A characteristic feature of designating the past is its motivation by its primacy, its specific position ahead of the point of time reference, coinciding with the moment of speech or other actualization. Failure to meet the deadlines set for performing some kind of human activity is regarded in the folklore lexicon as being outside time, as its loss. Another universal principle of time nomination is the use of spatial characteristics originally related to physical objects. In terms of semantic motivation, the nominations of such a time of day as morning are especially diverse.

Key words: slavic dialectology; dialect lexicography; designations of time; nomination principles; semantic

For citation: Kondratenko M. M. Nomination principles in designating time (using the material of slavic languages). *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2023;(4):123–129. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_4_35_123. <https://elibrary.ru/HSSWAA>

Постановка проблемы

Язык объективирует результаты познавательной деятельности человека и включает их в социальный контекст. При этом, в отличие от научных взглядов на окружающий и внутренний мир человека, языковая сегментация и интерпретация действительности отличается этноцентризмом.

Отсюда важность лингвистических данных для характеристики мировосприятия того или иного народа, а также группы народов, объединенных генетической общностью. Одной из важнейших онтологических категорий, определяющих бытие человечества, является время. В науке традиционно, еще с античности, определяют время как количественную меру движения. Однако, как показывает языковой материал, в народном мировосприятии помимо линейного времени, которое может измеряться с помощью количественных параметров, существует время циклическое, вечно повторяющееся.

Изучение феномена интерпретации понятия «время» в рамках традиционной этнической духовной культуры предпринимается в рамках этнолингвистики, ставящей одной из своих целей исследование культурных символов через призму языка. Таким образом, анализ языковых единиц с темпоральным значением позволяет прояснить некоторые гносеологические вопросы.

Методы и материал исследования

Представляется, что очень ценным материалом для исследования народного восприятия времени являются диалектные данные, прежде всего в силу их естественного характера (в отличие от литературного языка, на формирование которого оказывают существенное влияние экстралингвистические факторы: политические, социальные и пр.).

Среди различных аспектов лингвистического анализа имеет смысл выбрать анализ принципов номинации. Под этим термином, в соответствии с определением О. И. Блиновой, следует пони-

мать «правила, которые формируются на основе обобщения мотивировочных признаков говорящим коллективом и одновременно служат отправной базой для новых наименований ... принцип номинации – категория семантическая, содержательная, фиксируемая в сознании носителей языка» [Блинова, 1971, с. 99].

С точки зрения А. А. Потебни, «слово ... выражает не всю мысль, принимаемую за его содержание, а только один ее признак» [Потебня, 1989, с. 97]. Изучение подобных мотивировочных признаков, на основании которых формируется мысль о предмете, позволяет выявить особенности мировосприятия народа. Кроме того, учитывая другое известное положение, а именно: «язык есть средство не выразить уже готовую мысль, а создавать ее, что он не отражение сложившегося мирозерцания, а слагающая его деятельность» [Потебня, 1989, с. 156] – исследование лексического диалектного материала может привести к обоснованным выводам о творческой силе языка, его экспрессивном потенциале.

Результаты исследования

Собранный материал позволил установить некоторые принципы номинации, используемые в темпоральной лексике различных славянских говоров.

1. Среди них, в частности в наименованиях периодов времени и далекого прошлого, отмечено явление, которое можно характеризовать как семантическая редупликация, то есть своеобразное уточнение длительности уже выраженного временного значения за счет добавления лексемы, также обладающей темпоральной характеристикой.

Так, лексема *час*, обозначающая на славянской языковой территории время как родовое понятие, в ряде говоров Славии может раскрывать свое значение как линейную последовательность, не только поддающуюся счету, но и нуждающуюся в конкретизации, в уточнении длительности: *за тыдзень часу прыяжджая мой сын*

(буквально: через неделю времени приезжает мой сын); *будзя за месяц часу* (будет через месяц времени) [СБГ 2, с. 176]. В данном случае лексема, обозначающая время, а именно: *час* ('время') – употребляется с дополнительной лексемой с временным значением 'неделя' (*тыдзень*) или 'месяц', уточняющей длительность периода. Нечто подобное можно наблюдать в польском примере, в котором манифестация одного краткого интервала (*moment*) усиливает подобное значение другого (*chwila*) (мгновение, краткий интервал): *minister sprawiedliwości nie wprowadził jeszcze swoich udoskonalień prawnych, ale chwila moment i będą* (буквально: министр юстиции еще не внес свои правовые усовершенствования, но мгновение момента, и они будут) [Szadura, 2017, с. 146]. В данном случае можно говорить о семантической редупликации как принципе номинации.

В северо-западных белорусских говорах отмечено выражение *ноч-поўноч: Пётр, ноч-поўнач зарабляў – апора вялікая была* (Петр ночь-полночь зарабатывал – была большая опора) [СБГ I, с. 91]. Данное наименование, состоящее формально из манифестации ночи и ее крайне важной для традиционной духовной культуры славян части (полуночи), обладает, скорее, значением, 'днем и ночью', 'с утра до ночи' (то есть, 'всё время'), чем 'ночами'. Таким образом, через повтор однокоренных слов с семантикой времени суток, когда принято отдыхать, а не работать, достигается особая экспрессивность в выражении интенсивности трудовой деятельности.

В других случаях повтор корневой морфемы в составе наименования усиливает темпоральное значение удаленности от момента речи в прошлое.

На славянской языковой территории усиление семантики давности с помощью подобной редупликации отмечено для передачи значения 'очень давно': в северо-западных белорусских говорах *па-старадрэўнему* (одновременное использование двух лексем со значением 'давно': *стары* и *дрэўні*) [СБГ 3, с. 434]; *даўна-прадаўна* (*даўна-прадаўна была ў Паставах*); *даўната-прадаўната* [СБГ 2, с. 29], а также *даўнейшы-раздаўнейшы* (*гэта даўнейшыя-раздаўнейшыя песня*) [СБГ 2, с. 29]; *здавё(і)н-даўна* (*здавіндаўна гэта ноч мела вялікая значэнне*) [СБГ 2, с. 296, 552] – при наличии аналогичного значения без редупликации у наречия *здаўна*: *гергунамі завуць іх здаўна: ні разбярэш іх, што гаворыць*. Такое же семантическое явление наблюда-

ется в кашубском и польском языках: *zdóvjendóvna* 'давно' (*wu nas to tak zdóvjendóvna bywało* – у нас так издавна бывало) [Ramułt 1893, с. 267]; *z dawień dawna* [Karł 6, с. 354] при параллельном употреблении, соответственно, кашубского *zdóvna* (*to je zdóvna znónè* – это давно известно) [Ramułt 1893, с. 267] и польского *z dawna* в значении 'давно'.

Отмечено это явление и в севернорусских говорах: *век по век(и)* 'всегда' (*век по век город живет на деревне*); *из веки веков* 'издавна, с незапамятных времен' (*горбушами из веки веков не косили*); *вековечно* 'всегда' (*мужик мой вековечно был электриком*) [СРГК 1, с. 170].

Подобные обозначения С. М. Толстая с точки зрения способа наименования обозначала как составные номинации [Толстая, 2020, с. 276–277]. На этот феномен в славянских языках (на примере ономотопозитических слов) указывала также Ж. Колева-Златева, полагающая, что редупликация в славянских языках совсем не изолированное явление [Колева-Златева 2011, с. 23]. Собранный лексический диалектный материал подтверждает эту точку зрения.

2. В славянской темпоральной лексике значительный пласт составляют наименования времен года. Среди них выделяется определенная иерархия: основными сезонами, с точки зрения лексической репрезентации, являются зима и лето. Это проявляется не только в номинации весны и осени как производных от зимы и лета (о чем речь ниже), но и в использовании названий именно двух полярных времен года для наименования постоянства, представленности в течение всего года: *гальё сухая зіму і лета насіла* (сухие ветки зимой и летом [то есть круглый год] носила) в северо-западных белорусских говорах [СБГ 1, с. 412].

В составе обозначений времен года можно выделить первую группу номинаций, называющих соответствующую пору а) напрямую или б) косвенно, через указание на последующее или предшествующее время года, а также другую группу, которая формируется из языковых единиц, называющих период времени опосредованно, с мотивацией фенологическими явлениями или иными признаками.

К подгруппе прямых наименований следует отнести праславянские обозначения четырех времен года (в русском языке – это *весна, лето, осень, зима*). За исключением лексемы *весна*, почти не представленной в южнославянских говорах, эти наименования распространены по всей

славянской языковой территории, и изучение принципов их номинации относится, скорее, к сфере этимологии, а не ономазиологии.

2.1. Однако отмечены случаи опосредованной номинации одного времени года названием другого, мотивированные:

– следующим за ним временем года: ‘осень’ – *подзиме/подзима* (то есть, время, предшествующее зиме) в болгарских говорах [Koseska-Toszewa 1972, с. 79], *пазут* в нижнелужицких говорах [Мука 1, 5]; ‘позднее лето’ – *подесен* (время, предшествующее осени) в болгарских говорах [Koseska-Toszewa 1972, с. 79];

– предшествующим временем года, например ‘весна’ в кашубских говорах: *zimk*; *zimkoevu* ‘весенний’ (*to je jôrka čélé zimkoevè žéto* – это яровой или весенний хлеб) [Ramult 1893, с. 270]; *poezimk* ‘конец весны, ее вторая половина’ [Ramult 1893, с. 159], *nôzimk* ‘начало весны, ее первая половина’ [Ramult 1893, с. 122]; в северо-западных белорусских говорах *прызімкі* ‘весенние дни с заморозками’ (*вясной бываюць прызімкі, пачнеш гарады садзіць, а тут снех ідзе*) [СБГ 4, с. 138].

2.2. В славянских говорах также могут подвергаться номинации переходные периоды, в частности между зимой и весной. Семантически мотивированы они могут быть указанием на промежуточный характер: в севернорусских говорах – *перемежень* ‘время года между сезонами’ (*уж это-то время перемежень: погода-то меняется, на осень уже идет*) [СРГК 4, с. 455]; в польских говорах – *przymrozki, ruszanie lodów, roztopu* ‘период между зимой и весной’ (с указанием соответственно на заморозки, ледоход и таяние) [Szadura 2017, с. 180].

3. Разнообразные принципы мотивации фиксируются в славянской лексике при манифестации значения ‘утро’. На славянской языковой территории отмечено немало наименований этого времени суток, мотивированных разного рода ассоциативными представлениями говорящих или смежными периодами времени.

Помимо рефлексов праславянского **jutro*, известных всем славянским языкам, здесь выделяется несколько типов. Их можно распределить по корням, выражающим основное лексическое значение и содержащим главный мотивационный признак.

3.1. Корень **ran-*

Обозначения утра как раннего времени суток представлено на всей территории Славии. В говорах Ярославской области: *ранина* [ЯОС 8, с. 120]; *порань* [ЯОС 8, с. 65]; *взаранки* ‘рано

утром’ [ЯОС 3, с.15]; в некоторых севернорусских говорах *подранья* ‘рано утром’ (*подранья-то в школу придут*) [СРГК 4, с. 666]; в кашубских говорах *reno* ‘утром’: *woet rena* (с утра) [Ramult 1893, s. 180], *spêł do rena* (спал до утра) [Ramult 1893, s. 172]; в нижнелужицких говорах *rano (až do rana)* ‘до утра’ [Мука 1, 5].

Обозначения утра, производные от **ran-*, широко представлены в других восточнославянских говорах. Так, в закарпатских украинских: *заранок* ‘рассвет, утро’ [Сабадош, 2008, с. 108]; *зрана* ‘утром’ *она вже зрана была на ниві* [Сабадош, 2008, с. 130]. Раннее утро также обозначается в этом диалектном ареале с помощью корня *-ран-*: *узарані* ‘рано утром’ (*узарані падав дошч*) [Сабадош 2008, с. 373]. В буковинских и бойковских говорах: *робитимеш від ранку до вечіра, то скоро копита віткиниш* [Бук. 2005, с. 223], *зрана, зраня (встаєме зрана і йдеме)* [Центр-бойк. 2013, с. 189]. В северо-западных белорусских говорах – *раница (выдаю пятнаццаць кароў раницай)* [СБГ I, с. 349]; *ранак* ‘утро’ (*ранак да абеда*) [СБГ 4, с. 269].

Отмечен этот корень и в южнославянских языках, например *заран* ‘утро’ и *озаран* ‘этим утром’ в болгарских говорах.

При этом лексема с корнем *ран-* употребляется повсеместно на славянской языковой территории наряду со значением ‘утром’ также в значении ‘до наступления поры, установленной для выполнения работы’, в частности в северо-западных белорусских говорах: *выцірачкі рана кончылі, увесь лён пацёрлі* [СБГ I, с. 376]; в закарпатских говорах: *рано* ‘рано’ и ‘утро’ (*ты прийшла рано; добрый рано!* [пожелание доброго утра]) [Сабадош, 2008, с. 305, 411].

Этот семантический сдвиг, ‘переходное время между ночью и днем’ > ‘раннее время суток’, свидетельствует о таком семантическом архетипе, как отсчет начала очередного дня с утра в противоположность отсчету с ночи, также представленному в традиционной культуре.

3.2. Корень **dъль*

Так же, как весна может именоваться по смежному времени года, утро получает название по предвещаемому им наступлению дня. В этой семантической сфере выделяются глаголы, обозначающие рассвет: *ободневать, ободнять* в ярославских [ЯОС 7, с. 16] и других севернорусских говорах (*пошли, ободняло, тепло стало*) [СРГК 4, с. 97]; *д(и)няти* ‘наступать’ (о рассвете) в бойковских говорах: *диняє ... пора вставати* [Центр-бойк. 2013, с. 124]; *дзянець* ‘светать’ в

северо-западных белорусских (*ужо дзянеіць*) [СБГ 2, с. 67]; *днець* (*днее чуць-чуць на зару*) [СБГ 2, с. 75–76]; *дени, разденува* ‘светает’ в юго-западных болгарских говорах [БЕР 1, с. 341].

Аналогичное представление раннего утра как времени перед днем представлено и в западно-славянских говорах – у лужичан *do dña* [Мука 1, с. 173–174].

Это выражение (как и бойковское *передньом* ‘утром’ (*прийдеш до ня передньом, хлопче, та підем на зайци*) [Центр-бойк. 2013, с. 339] содержит косвенное указание на «промежуточный» характер такого времени суток, как утро и одновременно на более значимую роль дня (повидимому, наряду с ночью) в рамках суток.

3.3. Корни **běl-/ser-*

Достаточно распространена в славянских говорах «цветовая» мотивация наступления утра, представленная такими цветами, как белый и серый. При этом в дистрибуции корней **běl-* и **ser-* в обозначениях утра фиксируются определенные ареальные закономерности. Для всей славянской языковой территории характерна мотивация этого времени суток белым цветом. В лексике ярославских говоров выделяются некоторые периоды времени утром, обозначаемые как белые; обычно это раннее и позднее утро: ‘рассвет, раннее утро’ – *бело* сущ. [ЯОС 1, с. 49]; ‘до рассвета’ – *добела* [ЯОС 4, с. 7]; в польских говорах: *do dnia białego* – ‘до восхода солнца’ [Szadura 2017, с. 155]; в закарпатских говорах *біла днина* (*вже біла днина*) [Сабадош 2008, с. 413]; *бело* ‘рассвет’, *забела, забелява* ‘рассветает’ в болгарских говорах [Koseska-Toszewa 1972, с. 69]. К таким номинациям следует отнести лужицкое *běłodn(j)e* ‘рассвет’ [Pfuhl с.12].

В северо-западных белорусских говорах также присутствует «цветовая» мотивация, но серым цветом: *шарая/шэрая гадзіна, шаранька* (*шчэ шаранька*) ‘рассвет’, *шараць* ‘рассветать’ (*пара ўставаць, ужо шарэе*) [СБГ 5, с. 462]. Примечательно, что таким же образом обозначаются сумерки: *шэрая гадзіна* (буквально: серое время): *калі шшарэя, яшчэ агню не паляць, а ўжо сямня* (когда «сереет» [наступают сумерки], огонь еще не разводят, а как стемнеет) [СБГ 5, с. 461]. В определенной степени к этому же типу обозначений относится и северо-западное белорусское *на цемачку* [буквально: в темноте] ‘на рассвете’ (*устала на цемачку, каб даткаць*) [СБГ 5, с. 346].

В этих примерах можно было бы усмотреть влияние польских говоров, где также отмечены лексемы с «серой» мотивацией, обозначающие рассвет и наступление сумерек, например *szarówka, szarota, szara godzina* [Szadura, 2017, с. 160]. Однако такое обозначение представлено и в нижнелужицких говорах *żeń se šeri* ‘светает’ (буквально: день становится серым) [Мука 2, с. 630]. «Серая» мотивация отмечена также в южнонемецких средневосточнофранконских говорах: *grauen* (буквально: становиться серым) [WMF 2000 с. 80]. По принципу номинации к этой же группе можно отнести болгарскую лексему *дрезаво* ‘время перед рассветом’ (с первичным значением ‘время, когда еще не очень ясно видно’; производное от *дрезга* ‘мелкий лес’, ‘плохая видимость в таком лесу’, ‘сумрачно’) [БЕР 1, с. 424].

Это позволяет говорить в данном случае о двух древних семантических архетипах, представленных в разных частях Славии: один раскрывает образ утра как наступление дня, светлого времени, другой – как окончание ночи. При этом, безусловно, заслуживает внимания в качестве возможного варианта этого семантического феномена отражение контаминации белого и серого цветов в далеком прошлом.

3.4. Иные мотивационные признаки в обозначении утра, рассвета

Распространенной является мотивация названий утра по характерному для этого времени суток пению петуха: *в петухи* ‘на рассвете’ в ярославских говорах [ЯОС 2, с. 38]; в различных севернорусских говорах *вставать по петунам* ‘просыпаться очень рано’ (*надо было по петунам вставать*) [СРГК 4, с. 493]; в северо-западных белорусских говорах *да пёўня* [СБГ 4, с. 127] с пояснением *як пятах першы раз запяць – будуць малаціць* [СБГ II, с. 238]; в болгарских говорах – *петлено време* ‘время перед рассветом’; мотивация названия времени перехода ночи в раннее утро пением петухов представлена и в польских говорах – *podkurek* [Szadura 2017, с. 162], здесь стадии ночи и наступления утра могут интерпретироваться как последовательность пения петухов, то есть первое, второе и третье пение: *pierwsze, drugie, trzecie pianie* [Szadura 2017, с. 162]; аналогично в северо-западных белорусских говорах: *первыя петухі – рано, другія – папожжа, треція пятахі – над дзень* [СБГ 4, с. 225].

Отмечены и другие принципы номинации, например, для позднего утра; в польских говорах

мотивация связана непосредственно с выходом солнца – *słońce już na chłopa* ‘позднее утро’ [Szadura, 2017, с. 158]; в ярославских говорах указывается на своеобразный «рост» утра – *большое утро* [ЯОС 2, с. 13]; кроме того, на русской диалектной территории – *полное утро* ‘утреннее время, когда полностью рассветает’ (*настало полное утро*) [СРНГ 29, с. 84].

В севернорусских говорах для обозначения рассвета используется выражение *чуть воздух* ‘очень рано, чуть свет’ (*три брата были ... раскулачили по-пустому; ... бывало, чуть воздух, они уже на мельнице*) [СРГК 1, с. 218]. В этом же диалектном ареале наступление утра именуется как *бреск* (*с полуночи начинается бреск*) [СРГК 1, с. 113], вероятно, фонетическая запись от *брезг*. С учетом словенского *brěsk*, чешского *břesk*, польского *brzask* ‘рассвет’; литовского *brėkšti* ‘рассветать’, древнеиндийского *bhrājatē*, авестийского *brāzaiti* ‘сверкать, сиять’ [Фасмер 1, с. 211] можно говорить об индоевропейском происхождении этого наименования.

Выводы

Собранный материал позволил сделать определенные выводы об особенностях народного восприятия родового понятия «время» и некоторых его периодов, запечатленных в диалектной славянской лексике и фразеологии. Важным аспектом интерпретации этого фрагмента мировидения является семантическая мотивация наименования, то есть тот мотивировочный признак, который является основным для формирования понятия.

В обозначениях далекого прошлого актуальным оказывается усиление признака давности, а в номинации весны и осени – их стратификация до или после смежного времени года: зимы или лета.

Одним из самых частотных, с точки зрения количества языковых единиц, периодов времени выступает такая часть суток, как утро. В этой семантической сфере можно констатировать следующие мотивационные признаки: утро как самая ранняя часть суток; утро как пора рассвета, наступления дневного света или же окончания ночи, что находит отражение в мотивации белым или серым цветом; утро как время пения петухов и др.

Таким образом, исследование лексики и фразеологии народных говоров на основе анализа принципов номинации позволяет определить особенности народной аксиологии, круга объек-

тов и явлений, сравнение или ассоциативная связь с которыми особенно важна для формирования новых понятий.

Библиографический список

1. БЕР – Български етимологичен речник. Том I. София: Издателство на Българската академия на науките, 1971. 681 с.
2. Блинова О. И. Лексическая мотивированность и некоторые проблемы региональной лексикологии // Вопросы изучения лексики русских народных говоров. Диалектная лексика 1971. Л., 1972. С. 92-104.
3. Бук. – Словник буковинських говірок / За заг. ред. Н. В. Гуйванюк. – Чернівці: Рута, 2005. 688 с.
4. Колева-Златева Ж. Славянские языки и редупликация // Исследования по теоретической лингвистике. Материалы симпозиума «Смена парадигмы в венгерской лингвистической русистике». Tractata Slavica Universitatis Debreceniensis. Vol. 3. Дебрецен, 2011. С. 11–30.
5. Потебня А. А. Слово и миф. Москва: Правда, 1989. 624 с.
6. Сабадош І. Словник закарпатської говірки села Сокирниця Хустського району. Ужгород: Ліра, 2008. 480 с.
7. СБГ – Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча: у 5 т. / рэдакцыйная калегія: Ю. Ф. Мацкевіч, А. І. Грынавецкене, Я. М. Рамановіч, А. І. Чабарук, Ф. Д. Клімчук. Мінск: Навука і тэхніка, 1979–1986.
8. СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: в 6 вып. \ гл. ред. А. С. Герд – СПб: Издательство С.-Петербургского университета, 1994–2005.
9. СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1-51. Санкт-Петербург: Наука, 1965–2019.
10. Толстая С. М. Заметки о языке севернорусских причитаний. 2. Составные номинации, их структура и семантика // Slověne. 2020. Vol. 9, № 2. С. 274–313.
11. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х томах. Москва: «Прогресс», 1986–1987.
12. Центр.-бойк. – Матіїв М. Д. Словник говірок центральної Бойківщини. К.; Сімферополь: Ната, 2013. 602 с.
13. ЯОС – Ярославский областной словарь: учебное пособие: в 10 вып. Ярославль: ЯГПИ имени К.Д. Ушинского, 1981–1991.
14. Karłowicz J. Słownik gwar polskich. T. 1–6. Kraków, 1900–1911.
15. Koseska-Toszeва V. Bułgarskie słownictwo meteorologiczne na tle ogólnosłowiańskim. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk, 1972.
16. Muka A. Słownik dołnoserbskeje rěcy a jeje narěcow. 2 Bände. Budyšin: Ludowe Nakladnistwo Domowina, 1966.
17. Pfuhl C. T. Lausitzisch Wendisches Wörterbuch. Budyšin: Maćica Serbska, 1866. 1210 s.

18. Ramuł S. Słownik języka kaszubskiego czyli pomorskiego. Krakow : Nakładem Akademii umiejętności, 1893. 278 s.

19. Szadura J. Czas jako kategoria językovo-kulturowa w polszczyźnie, Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2017. 438 s.

20. WMF – Wörterbuch von Mittelfranken. Eine Bestandsaufnahme aus den Erhebungen des Sprachatlas von Mittelfranken. Würzburg: Königshausen & Neumann, 2000. 224 S.

Reference list

1. BER – B#lgarski etimologičen rechnik. Tom I. Sofija : Izdatel'stvo na B#lgarskata akademija na naukite, 1971. 681 s.

2. Blinova O. I. Leksicheska ja motivirovanost' i nekotorye problemy regional'noj leksikologii = Lexical motivation and certain problems of regional lexicology // Voprosy izučeni ja leksiki russkih narodnyh govorov. Dialektnaja leksika 1971. L., 1972. S. 92-104.

3. Buk. – Slovník bukovinských govírok / Za zag. red. N. V. Gujvanjuk. – Chernivci: Ruta, 2005. 688 s.

4. Koleva-Zlateva Zh. Slavjanskije jazyki i reduplikacija = Slavic languages and reduplication // Issledovanija po teoreticheskoj lingvistike. Materialy simpoziuma «Smena paradigmy v vengerskoj lingvisticheskoj rusistike». Tractata Slavica Universitatis Debreceniensis. Vol. 3. Debrecen, 2011. S. 11–30.

5. Potebnja A. A. Slovo i mif = Word and myth. Moskva : Pravda, 1989. 624 s.

6. Sabadosh I. Slovník zakarpats'koí govírki sela Sokirnicja Husts'kogo rajonu. Uzhgorod: Lira, 2008. 480 s.

7. SBG – Slovník belaruskich gavorak paŭnochna-zahodnaj Belarusi i jae pagranichcha: u 5 t. / rjedakcyjnaja kalgija: Ju. F. Mackevich, A. I. Grynaveckene, Ja. M. Ramanovich, A. I. Chabaruk, F. D. Klimchuk. Minsk: Navuka i tjechnika, 1979–1986.

8. SRGK – Slovar' russkih govorov Karelii i sopredel'nyh oblastej: v 6 vyp. = DRDK – Dictionary of Russian dialects in Karelia and neighboring regions: in 6 vols.

\ gl. red. A. S. Gerd – SPb: Izdatel'stvo S.-Peterburgskogo universiteta, 1994–2005.

9. SRNG – Slovar' russkih narodnyh govorov. Vyp. 1–51 = DRND – Dictionary of Russian national dialects. Issues 1-51. Sankt-Peterburg : Nauka, 1965–2019.

10. Tolstaja S. M. Zametki o jazyke severnorusskih prichitanij. 2. Sostavnye nominacii, ih struktura i semantika = Notes on the language of Northern Russian lamentations. 2. Compound nominations, their structure and semantics // Slověne. 2020. Vol. 9, № 2. C. 274–313.

11. Fasmer M. Jetimologičeskij slovar' russkogo jazyka. V 4-h tomah = Etymological dictionary of the Russian language. In 4 vols. Moskva : «Progress», 1986–1987.

12. Centr.-bojk. – Matiiv M. D. Slovník govírok central'noí Bojkivshhiny. K.; Simferopol' : Nata, 2013. 602 s.

13. JaOS – Jaroslavskij oblastnoj slovar' : uchebnoe posobie: v 10 vyp. = YRD – Yaroslavl Regional Dictionary: textbook in 10 ed. Jaroslavl' : JaGPI imeni K.D. Ushinskogo, 1981 – 1991.

14. Karłowicz J. Słownik gwar polskich. T. 1–6. Kraków, 1900–1911.

15. Koseska-Toszewa V. Bułgarskie słownictwo meteorologiczne na tle ogólnosłowiańskim. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk, 1972.

16. Muka A. Słownik dołnoserbskeje rěcy a jeje narěcow. 2 Bände. Budyšin: Ludove Nakladnictwo Domowina, 1966.

17. Pfuhl C. T. Lausitzisch Wendisches Wörterbuch. Budyšin: Maćica Serbska, 1866. 1210 s.

18. Ramuł S. Słownik języka kaszubskiego czyli pomorskiego. Krakow : Nakładem Akademii umiejętności, 1893. 278 s.

19. Szadura J. Czas jako kategoria językovo-kulturowa w polszczyźnie, Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2017. 438 s.

20. WMF – Wörterbuch von Mittelfranken. Eine Bestandsaufnahme aus den Erhebungen des Sprachatlas von Mittelfranken. Würzburg: Königshausen & Neumann, 2000. 224 S.

Статья поступила в редакцию 15.08.2023; одобрена после рецензирования 05.09.2023; принята к публикации 20.10.2023.

The article was submitted on 15.08.2023; approved after reviewing 05.09.2023; accepted for publication on 20.10.2023.